

Д.А. ЕЖОВ

РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

***Аннотация.** В статье предпринята попытка анализа специфики восприятия концепта «революция» современным российским обществом. Апеллируя к мнению, предполагающему рассмотрение революции на уровне идеологии, автор обращается к конкретизации сути предмета исследования в рамках дихотомии «революция/переворот». Отдельное внимание уделено характеристике феномена «цветных» революций и проблеме устойчивости российского социума перед гипотетическим «цветным» сценарием.*

***Ключевые слова:** революция, переворот, «цветная» революция, общественное мнение, политические изменения, политическое развитие.*

REVOLUTION BY THE EYES OF THE RUSSIAN SOCIETY: FROM HISTORY TO MODERNITY

***Abstract.** The article attempts to analyze the specifics of the perception of the concept "revolution" by modern Russian society. Appealing to the view that the consideration of the revolution is at the level of ideology, the author turns to the concretization of the essence of the subject of research within the framework of the "revolution / coup" dichotomy. Special attention is paid to the characterization of the phenomenon of "color" revolutions and to the problem of the stability of the Russian society over the hypothetical "color" scenario.*

***Keywords:** revolution, coup, "color" revolution, public opinion, political changes, political development.*

С точки зрения политической теории, революция представляет собой тип политического изменения, имеющий насильственную природу. Сложно не согласиться с Б.С. Эбзеевым, утверждающим, что «социализм в России не возник бы, а возникнув, не достиг бы такого развития, не увлёк бы множество людей, ведомых сильными умами, если бы не отвечал запросам эпохи»¹. Эпохи меняются, а под воздействием новых вызовов трансформируются и запросы.

Революции не проходят по одному сценарию, а многоаспектность современного политического процесса формирует условия для дифференцированного восприятия содержательной составляющей данного понятия. К тому же модернизационные тренды способствуют формированию новых типов революций, харак-

---

ЕЖОВ Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра политологических исследований департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва

¹ Эбзеев Б.С. Великая российская революция: идейные истоки и конституционное устройство власти и свободы // Гражданин. Выборы. Власть. 2017. № 1–2. С. 3.

терных для рубежа XX–XXI веков. Угрожает ли революция современной России? Представляется, что искомую ясность можно получить исключительно в результате взвешенной оценки актуального среза общественных настроений в контексте восприятия понятия «революция» в современном политическом дискурсе, учитывая вкладываемые в соответствующую терминологическую единицу потенциальные смыслы.

В вопросе уточнения понятия «революция» мы склонны разделить позицию, предполагающую его рассмотрение на уровне идеологема². Закрепление за тем или иным политическим событием такого ярлыка как «революция», в особенности на современном этапе, восходит в большей степени к выражению крайней степени эмоциональности с высоты субъективного оценочного восприятия в рамках дихотомии «революция/переворот». Действительно, принципиальной разницей между переворотом и революцией является масштабность произошедших в их результате изменений. В рамках уточнения понятий следует заметить, что революция, в отличие от переворота, предполагает в качестве своего итога преобразований трансформацию общественного строя. В то же время наличие идейно-политического оттенка не исключает того, что на конкретном примере, под воздействием пространственно-временных характеристик, происходит трансформация восприятия рассматриваемого понятия, что объясняет идентификацию с ним событий, не являющихся революциями в полном и традиционном смысле этого слова.

Так, в политическом дискурсе широкое распространение получил термин «цветные» революции, первоначально применявшийся к серии событий в государствах постсоветского пространства (Грузия, Киргизия, Украина), но впоследствии распространившийся более широко. Аналогом-предшественником «цветных» революций, с точки зрения схожести формы протекания, может считаться серия «бархатных» революций, охватившая государства социалистического лагеря в финале «холодной войны». Свежи в памяти и события относительно недавней «арабской весны» (Тунис, Египет, Ливия) как еще одной современной разновидности революций. Являются ли современные революции революциями в строгом смысле этого слова? Ответ на этот вопрос неоднозначен, так как, несмотря на формальное несоответствие традиционному пониманию собственно революционного процесса, они приводят к насильственной смене режима и последующей генерации системного кризиса. О кардинальной смене общественного строя, базирясь на современных примерах, говорить, по крайней мере, преждевременно (если, конечно, не считать результатом таковой последовательно углубляющийся на фоне оголтелой антироссийской истерии хаос, царящий в высших эшелонах власти одного государства, граничащего с территорией Российской Федерации).

Принципиальной характеристикой современных революционных процессов является их технологическая природа в том смысле, что ожидаемая результативность современных революций есть не что иное, как пример специфических

---

² Одесский М. Идеологема «революция» и возможность социальных потрясений в современной России // Логос. 2006. № 5 (56). С. 131–132.

политических технологий, вошедший в совокупность инструментариев регулирования трендов и направлений мировой политики в части деконструкции политических режимов вследствие оказания внешнего воздействия на их функционирование. В наиболее систематизированном виде структуризация рассматриваемой технологии представлена американским общественным деятелем Д. Шарпом в его более чем неоднозначной работе «От диктатуры к демократии», фактически являющейся практическим руководством по свержению политических режимов, в которой автор раскрывает способы «политического неповиновения»³. С точки зрения его соотечественника Д. Голдстоуна, революции, как и прежде, «будут происходить там, где совпадут пять условий, приводящих к коллапсу режима: экономический или фискальный кризис; раскол и отчуждение элит от режима; коалиция групп населения, которых волнуют разные проблемы; появление убедительного нарратива сопротивления и благоприятная для революционных преобразований международная обстановка»⁴.

Мы же в этом контексте заметим, что именно технологичность процесса предусматривает создание почвы для регулируемых массовых беспорядков, кульминация которых сводится к установлению власти лиц и сил, в чьём продвижении заинтересованы непосредственные идеологи соответствующих событий. Правила большой политической игры в современном мире подразумевают, что подобные интересы концентрируются в ареале так называемого «коллективного Запада» как крупного геополитического игрока.

Таким образом, обоснованным выглядит вывод, что актуальный политический дискурс предполагает фактическое отождествление революции с деконструкцией политического режима, осуществляемое под внешним воздействием и имеющее технологическую природу, при этом с открытым результатом. С учётом вышеизложенного попытаемся дать ответ на вопрос, насколько реален риск революционных (в указанном понимании) событий в современной России. Принимая во внимание имеющийся в общественном сознании ассоциативный ряд идеологии «революция» с событиями 1917 года, полагаем правомерным проследить динамику восприятия населением России значения соответствующих событий в контексте современных политических реалий, опираясь при этом на данные социологических опросов.

В апреле 2017 года были опубликованы результаты социологического опроса аналитического центра «Левада-Центр» по тематике Октябрьской революции⁵, анализ которых формирует почву для серьёзных размышлений. По крайней мере, представленные в динамике ответы на некоторые вопросы кажутся весьма любопытными в свете текущего политического процесса. В первую очередь, отметим очевидную трансформацию оценки первоочередных причин Октябрьской революции, произошедшую в период с октября 1990 года по март 2017 года. Так, если в 1990 году большинство респондентов (66%) считало непо-

³ Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М., 2005.

⁴ Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение. М., 2015. С. 182.

⁵ <https://sputnik-georgia.ru/radio/20180106/238687871/sakvarelidze-prezidentom-gruzii-v-2018-godu-mozhet-stat-nepartijnaya-figura.html> (дата обращения 10.09.2017).

средственным «спусковым крючком» революционных событий в октябре 1917 года тяжёлое положение трудящихся, то в 2017 году число таких респондентов снизилось до 50 процентов. На этом фоне число считающих, что к революции 1917 года, главным образом, привёл заговор врагов русского народа, возросло с 6 до 20 процентов.

С нашей точки зрения, подобный результат симптоматичен, так как он демонстрирует укоренение в общественном сознании тезиса о внешней и насильственной природе революции как политического события, что тесно перекликается с распространённым сегодня подходом к восприятию идеологемы «революция». В схожем контексте мы склонны трактовать данную респондентами оценку степени законности прихода большевиков к власти. Снижение за последние 15 лет доли респондентов, считающих законным получение ими власти, свидетельствует о наличии тренда, заключающегося в перманентном переосмыслении событий 1917 года и переоценке сопровождавших их процессов.

Несмотря на приведённые выше данные, совокупное количество респондентов, оценивающих роль Октябрьской революции в российской истории как положительную, константно выше, чем число воспринимающих ее в качестве отрицательной. Однако это не выглядит парадоксальным вследствие того, что подобная оценка преимущественно коррелируется с наступлением новой эры в истории народов России и толчком к их социальному и экономическому развитию. Восприятие революции 1917 года как катастрофы с годами, напротив, умеренно снижается, о чём свидетельствуют данные опросов: в период с 1990 по 2017 год число придерживающихся данной точки зрения респондентов уменьшилось с 13 до 6 процентов. Логически объяснимым, при учёте актуального состояния общественных настроений, становится увеличение количества считающих, что вследствие революции 1917 года Россия продолжила развиваться, следуя своим традициям и национальным особенностям (50% от общего числа опрошенных в марте 2017 года против 27% опрошенных в декабре 1998 года). Приведённые данные позволяют предположить, что в сознании современного отечественного социума Октябрьская революция понимается в виде закономерного этапа исторического процесса. Полагаем, доминирование такой позиции обусловлено свойственной политической истории России цикличностью, что формирует у населения тенденцию к восприятию революционных событий массовым сознанием как варианта нормы.

Оценка деятельности той или иной исторической личности вряд ли может быть однозначной, поэтому всегда будет вызывать множество споров. Согласно данным материалов упомянутого опроса, симпатии респондентов к большинству деятелей времён революций 1917 года заметно снижаются. При этом наибольшую динамику демонстрирует изменение отношения в период с 1990 по 2017 год к личностям В.И. Ленина (с 67% до 26% симпатизантов) и Ф.Э. Дзержинского (с 45% до 16% симпатизантов). В то же время в отношении таких исторических фигур, как Николай II и А.В. Колчак, наблюдается положительная динамика. Аналогичная тенденция фиксируется и в отношении личности И.В. Сталина, количество симпатизантов которому увеличилось в период с 1990 по 2017 год с 8 до 24 про-

центов, а число испытывающих антипатию, напротив, значительно снизилось – с 49 до 21 процентов.

Имеющиеся данные мы находим достаточно показательными в условиях современного политического дискурса и актуальных общественных настроений, поскольку нередки случаи, когда вокруг имени И.В. Сталина в последние годы разгорались дискуссии и выдвигались инициативы, углубление и претворение в жизнь которых могли бы поставить современное российское общество на грань раскола. В то же время следует учитывать, что это имя, помимо прочего, в массовом сознании вызывает ассоциацию с сильной властью, очевидный социальный запрос на которую наблюдался в России в последнее десятилетие XX века.

В целом, анализируя результаты опроса, можно констатировать, что в современном обществе не находит отклика идея революции, что косвенно подтверждает неготовность 33 процентов респондентов участвовать в событиях 1917 года в случае, если бы они происходили на их глазах (примечательно, что в 1990 году сторонников такого подхода было всего лишь 12%). Предполагаем, что имеющаяся позиция оправданно отражает боязнь революционных изменений и во многом коррелируется с привычкой к стабильности и ожиданиям дальнейшего развития государства в соответствующем русле. Показательно, что, согласно данным опроса, большинство респондентов в 2017 году (33%) желает жить в современную эпоху, при Президенте Российской Федерации В.В. Путине; ещё 28 процентов не были бы против оказаться в эпохе брежневского «застоя».

Полагаем, что проведённый анализ результатов социологического опроса, опубликованных «Левада-Центром», в совокупности с предваряющими его рассуждениями позволяет дать ответ на вопрос, поставленный в начале статьи. Угрожает ли революция современной России?

Начнём с того, что актуальный срез общественных настроений, в целом, отражает текущее положение концепта «революция», воспринимаемом на уровне идеологемы в контексте актуального политического дискурса. Современный социум подаёт запрос на стабильность, отвергая тем самым идею революции, ведущей ни к чему иному, как к хаосу. Впрочем, это не означает отсутствия в обществе запроса на изменения, однако эти изменения в условиях актуальных тенденций политического развития России и при учёте наличия эффекта устойчивой моноцентричной верховной власти способны производиться демократическим путём, в том числе посредством выборов и реформ. Стоит отметить, что со времени, прошедшего с событий, сопровождавших течение электорального цикла 2011–2012 годов, в рамках которого под воздействием активизировавшегося протестного движения в России сформировались условия для генезиса кризиса легитимности власти⁶, указанная выше способность значительно усилилась. Этому способствовала совокупность внешних и внутренних факторов, оказавшая положительное влияние на повышение доверия к верховной власти и укрепление

---

⁶ Ежов Д.А. Проблема легитимации верховной власти в контексте российского политического проекта // Власть. 2013. № 1. С. 087–089.

авторитета общенационального лидера. Таким образом, мы констатируем отсутствие социального запроса на революционные изменения.

Выше было отмечено, что с учётом имеющихся политических трансформаций понимание революции восходит к деконструкции политического режима, осуществляемой под внешним воздействием и имеющей технологическую природу. Заметим, что в данном контексте подобный сценарий развития событий в России представляется крайне маловероятным по причинам, указанным выше, и угроза революции в России в настоящее время практически исключена. Дополнительным подтверждением является сделанный нами в одном из предыдущих исследований вывод, заключающийся в том, что детерминантами политического развития российского государства являются высокий уровень поддержки президентской власти, подъём патриотических настроений, а также укрепление национально-политической идентичности, ставшее прямым следствием внешнего давления на Россию⁷. На наш взгляд, совокупность указанных детерминант обеспечивает условия для относительно стабильного и поступательного функционирования действующего политического порядка.

В заключение заметим, что, несмотря на отрицательный по своей сути ответ об угрозе революции в России в обозримой перспективе, актуализация дискуссий на этот счёт должна стать своеобразным предостережением, а динамика трансформации общественного мнения в отношении событий 100-летней давности и ассоциируемых с ними исторических фигур – индикатором общественных ожиданий и запросов, обращённых к представителям власти. После президентских выборов 2018 года в России гипотетически возможна интенсификация процессов актуализации социально-политического протеста, искусственно генерируемых извне. В качестве инструментов воплощения соответствующих акций с высокой долей вероятности будут использоваться силы несистемной оппозиции. Однако утопичность практического воплощения подобного сценария находится на поверхности вследствие имеющейся оценки актуального среза общественных настроений российского социума.

Список литературы

1. Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
2. Ежов Д.А. Детерминанты политического развития России в условиях глобальной конфронтации // Геополитический журнал. 2017. № 1.
3. Ежов Д.А. Проблема легитимации верховной власти в контексте российского политического проекта // Власть. 2013. № 1.
4. Одесский М. Идеологема «революция» и возможность социальных потрясений в современной России // Логос. 2006. № 5(56).

---

⁷ Ежов Д.А. Детерминанты политического развития России в условиях глобальной конфронтации // Геополитический журнал. 2017. № 1. С. 22.

5. Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство, 2005.

6. Эбзеев Б.С. Великая российская революция: идейные истоки и конституционное устройство власти и свободы // Гражданин. Выборы. Власть. 2017. № 1-2.